

УДК 81'272

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/6

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: «КТО ТАКИЕ РУСИНЫ И НА КАКОЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ПОХОЖ РУСИНСКИЙ ЯЗЫК?»

И.И. Бабенко, О.В. Орлова

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634041, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: 1uchim.russkij@tspu.edu.ru

Авторское резюме

В статье на основе анализа интернет-дискурса исследуются особенности языкового конструирования национальной идентичности русинов по отношению к трем вариантам национального самоопределения: русскому, украинскому и русинскому. Обострение русско-украинских отношений, произошедшее вследствие событий 2014 г., стимулировало коммуникативную сетевую активность, изучение которой может стать ключом к современному состоянию общественного мнения по поводу идентификации и самоидентификации русинов. Этноним «русины» в разных контекстах отражает полярные этно-идентификационные статусы. Пользователи-русины считают себя: 1) самостоятельным этносом, не тождественным украинскому; 2) частью украинского этноса; 3) частью русского этноса; 4) истинными русскими, не тождественными современным русским, полагая свои язык и культуру более древними, исконными. Сложная и неоднозначная метаязыковая рефлексия в основном сфокусирована на проблеме «отстройки» от близкородственных языков и культур. Тема этнической идентификации русинов обсуждается в контексте острой полемики русских и украинцев, что эксплицируется в лейтмотивах *Незалежність* и *Русский мир*. Заявления русинов об этнической принадлежности являются средством демонстрации, в том числе своей общественно-политической позиции. Процесс становления национального самосознания семантизируется посредством смыслов противостояния глобализации и этноинтеграции, стремления создать лингвистическое и культурное ядро субэтноса, «отстройки» от полюсов силы – русского и украинского.

Ключевые слова: языковое конструирование, национальная идентичность, русины, интернет-дискурс.

LANGUAGE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN THE INTERNET DISCOURSE: “WHO ARE THE RUSINS AND WHAT LANGUAGE IS RUSINIAN LIKE?”

I.I. Babenko, O.V. Orlova

Tomsk State Pedagogical University, 60 Kievskaya Street, Tomsk, 634041, Russia

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Abstract

On the basis of the analysis of Internet discourse, the article investigates the features of the linguistic construction of national identity of Rusins in relation to the three variants of self-determination: Russian,

Ukrainian and Rusinian. The aggravation of Russian-Ukrainian relations, which occurred as a result of the events in 2014, stimulated a communicative network activity, the study of which could be a key to the current state of public opinion regarding the identification and self-identification of Rusins. Ethnonym *Rusins* in different contexts reflects polar ethnic identity statuses. Rusins consider themselves as: 1) an independent ethnic group, not a Ukrainian identity; 2) a part of the Ukrainian ethnicity; 3) a part of the Russian ethnicity; 4) true Russians not identical to modern Russians, believing their language and culture more ancient, primordial. The complex and ambiguous metalinguistic reflection mainly focuses on the issue of "detuning" from closely related languages and cultures. The topic of Rusin ethnic identity is discussed in the context of sharp polemics of Russians and Ukrainians, which is explicated in the leitmotifs of independence and the Russian world. Rusins' statements about ethnicity are a means to demonstrate, in particular, the social and political position. The process of formation of national consciousness focuses in the senses of opposition to ethnic integration and globalization, the desire to create linguistic and cultural core of ethnicity, "detuning" from the power poles – Russian and Ukrainian.

Keywords: language construction, national identity, Rusins, Internet discourse.

Постановка проблемы, методика исследования. В научной полемике о категории этноса и этничности онтологическому подходу, утверждающему «этничность в качестве консервативной силы, которая сохраняет модели ментальности и поведения предыдущих поколений» (Грошева 2006: 104) наряду с незыблемостью связи языка и этничности, противостоит позиция конструктивистов. Последние полагают этничность социальным и интеллектуальным конструктом, доказывая, что «постоянное изменение национальных границ после двух мировых войн, распад СССР и Восточного блока в 1989-1991 гг. и признание субнациональных единиц в Западной Европе в 1990-х гг. способствовали четкому осознанию текучести и произвольности национальной идентичности» (Джозеф 2005: 21).

Авторы диссертационных и монографических русиноведческих исследований (Суляк 2006; Шевченко 2010; Миронов 2013) устанавливают факт особой русинской идентичности, альтернативной трем каноническим восточнославянским. Объективности ради стоит отметить, что данный вывод звучит с меньшей («...несмотря на существование нескольких вариантов идентификации, русины сохранились как особая восточнославянская этническая группа» (Миронов 2013: 16)) или большей («Становление четвертого восточнославянского народа с особой культурой, языком и системой ценностей обретает все более зримые контуры» (Шевченко 2010: 391)) категоричностью.

Современный научный дискурс об этнической и языковой идентификации русинов, в том числе указанных авторов, изобилует лексикой подчеркнутой процессуальности и незавершенности. Констатируются «нарастающие динамизм и активность», «неустойчивость и условность» (Шевченко 2010: 7) этнических процессов и категорий, в то время как

«выработка русинской национальной идеологии до сих пор до конца не завершена» (Миронов 2013: 15). Также «не окончена до сих пор начавшаяся в середине XIX в. научная полемика – является ли русинский язык отдельным языком, диалектом украинского или русского языка» (Суляк 2006: 17).

Как видим, ученые выделяют три исторически сложившихся версии национального и языкового самоопределения русинов: русскую, украинскую и русинскую (например, одна из глав монографии К.В. Шевченко называется «Русины в поисках идентичности: русофилы, украинофилы и русинофилы» (Шевченко 2010)). При этом конкурентная борьба данных версий всегда обострялась, а национальный вопрос максимально актуализировался именно в ситуациях социальных изменений, общественной мобилизации, обусловленных теми или иными политическими (по преимуществу – геополитическими) кризисами и трансформациями.

Кардинальные социально-политические перемены на постсоветском и постсоциалистическом пространстве 1990-х, а также значительное увеличение общественного внимания к вопросу этнического самосознания в 2000-е гг. стимулировали «начало нового русинского Возрождения» (Суляк 2005: 5) и широкое обсуждение русинской проблематики в медиа. Лингвисты фиксируют «резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г., в сфере электронной коммуникации», что «свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере» (Резанова, Шиляев 2015: 239). Безусловно, обострение русско-украинских отношений, произошедшее вследствие событий 2014 г., также стимулировало сетевую активность, изучение которой может стать ключом к современному состоянию общественного мнения по поводу идентификации и самоидентификации русинов.

Что касается существующих методик изучения показаний этноязыкового сознания, то объективная реальность интернет-коммуникации, выведшая любую общественную дискуссию в открытый публичный доступ как в плане участия в ней, так и в плане приобщения, сняла методологическую проблему поиска релевантного материала (ранее в большинстве случаев показания языкового сознания намеренно стимулировались исследователем в ходе эксперимента). Принцип свободы и добровольности общения (инициации темы, комментирования, выбора партнера) делает интернет-контент максимально репрезентативным в плане естественности формы и содержания высказываний, касающихся острого и весьма болезненного национально-языкового вопроса, а также многократно интенсифицирует коммуникативно-интерпретационный и лингвокреативный потенциал языковой личности, способствует

свободной реализации ее когнитивных интенций и разнообразных мировидческих рефлексий. Сопровождающийся социокультурным комментарием лингвосемантический и контекстологический анализ интернет-полилога по русинскому вопросу позволяет реконструировать реально существующую диспозицию трех традиционных (русофильского, украинофильского и русинофильского) вариантов этнической идентификации русинов в условиях современных социально-политических вызовов.

Материал исследования. Материалом для анализа специфики национально-языкового самоопределения русинов стали объемные массивы комментариев под 6 публикациями в Интернете. Всего было рассмотрено более 50 интернет-страниц, из которых 7 прямо или косвенно посвящены вопросам самоопределения русинов и лемков (лемки – еще одно название русинов).

Отметим, что наиболее репрезентативными и яркими стали два источника. Во-первых, это обсуждения под видеоклипами на песню «Пліне кáча по Тисіні...», или «Пливé кáча по Тисіні...», опубликованные на видеохостинге «YouTube». Один из этих роликов назван разместившим его 24.02.2013 г. пользователем неофициальным клипом на песню в исполнении украинской акапельной группы «Пікардійська терція» и представлен как посвящение «небесной сотне» (Пам'яті героїв небесної сотні), «український Реквієм» или плач украинской матери по сыновьям, погибшим во время подавления акций евромайдана. Данный ролик стал стимулом для более 2 000 комментариев участников интернет-коммуникации. Во-вторых, это клип, представляющий песню в исполнении женской украинской группы «Черемшина» и датированный 29.06.2013 г. (более 500 комментариев). Данный ролик озаглавлен нейтрально – Ukrainian folk song / Lemko culture, но тем не менее он собрал в ленте комментариев более 100 реплик, так или иначе посвященных вопросам этнокультурной, языковой и территориальной идентичности русинов.

Отметим, что в приводящихся в статье фрагментах интернет-сообщений сохранены стилистика, орфография и пунктуация их авторов.

Анализ материала. Тема этнического статуса русинов возникает в комментариях в связи с происхождением песни как ответ на вопрос «Кто поет?». Пользователь, разместивший клип, отвечает на заданный интернет-собеседником вопрос так: *Українська народна пісня зі Закарпаття (Тиса, Тисина – ріка на Закарпатті). На фото: культура лемків. Лемки заселяють Великоберезнянський (увесь район) і частково Перечинський райони Закарпатської області а також Надсяння Турківського району (вздовж р. Сян) Львівської області.* Как видим, говорящий исхо-

дит из тезиса о том, что лемки – это часть единого украинского этноса. Для большинства участников обсуждения эта реплика не является значимой, поскольку украинские комментаторы не сомневаются в ее достоверности, тогда как сами лемки-русины могут не соглашаться с этой точкой зрения и утверждают свой особый этнический, лингвокультурологический и территориальный статус.

Несмотря на то что общая тональность комментариев крайне негативная в связи со сложными российско-украинскими отношениями последнего года, обсуждение происхождения песни лемков проходит довольно спокойно, например оцениваются ее мелодичность и проникновенность (*лемківські пісні усі мелодійні та ліричні! / пронизує, дякую. вітання всім в кому тече лемківська «ртуть».* / *В мене не лемківська «ртуть» а звичайна)), але це моя найулюбленіша пісня з фольку !!! / Скільки не слухаю цю лемківську пісню, стільки сльози душать / Эта песня русинского эпоса, лемок. А его обитателей называли рутенами, русинами, русами и русскими*) или высказывается сомнение в том, что песня принадлежит культуре лемков (*Тисина пишеться з великої букви. То річка Тиса. І пісня не лемківська. Тиса не тече через Лемковину / То не лемківська пісня, лем пісня з Пудкарпатя. В нас Лемків она нияк незнана.*).

Эмоциональная тональность и категоричность суждений резко усиливаются, когда в дискуссию вступают апологеты полярных представлений о статусе русинов в современном славянском мире. Русинофилы могут быть как русофобами, так и украинофобами, стремясь дистанцироваться от русского или украинского этноса как государствообразующих полюсов силы и доказать состоятельность, самостоятельность территориального, лингвистического и культурного ядра субэтноса русинов.

Разнообразие представлений об этнической природе русинов наиболее ярко отражено в следующем полилоге. Первый автор утверждает, что русинами назывались украинцы, второй опровергает обоснованность этого, но не идентифицирует русинов с русскими, третий усиливает точку зрения первого, противопоставляя русинов русским на основании своих представлений об историческом и территориальном конфликте славянских народов. Содержательный конфликт подкрепляется графически благодаря переключению языковых и графических регистров: украинскую кириллицу использует первый участник полилога, утверждающий, что русины – это украинцы, русскую кириллицу – второй, не отождествляющий русинов с русскими, но пишущий об их особом этническом статусе, наконец, латиницу использует третий участник спора, называющий себя русином, представителем одного из украинских этносов.

1) *Ukrainci kolis nazivalisi Rusinami, yak i v Centralnij Ukraini tak i v Zahidnij...*

2) *Вы в курсе, что окраинные называют себя русинами, а нас – москo-витами???? Мы уже устали им говорить, что Русины это отдельный самобытный народ Закарпаття, как раз притесняемый окраинным сбродом. Почему мы – РУССКИЕ, знаем о существовании Русинов а укpы нет?*

3) *Dosta, Ja est rusyn i e ukrainec. Ne treba nam ukazuvaty, to e vrazhy po-myshljane. Moskale vygnaly nasha deda s rodnov zemja. A tepera glagola pro nasha nacija. Piklujtesja pro svoj narid, a my sobi damo radu.*

В рамках другого полилога получает развитие конфликт представлений о роли и месте русинов в противостоянии *Русского мира* и идей *Незалежності України*. Например, один из комментаторов отмечает, что семья его отца была лемками из села Брезова и пишет: *Лемки за мир на Украине, но против антирусского курса нынешних хозяев Украины. Многие из наших сгинули в австрийских лагерях за идею Общего Русского Мира... Отрыв Украины от Русского Мира – ослабление нашего мира и верная смерть самой Украине*. Последовавшая за этой репликой ветвь обсуждения ярко демонстрирует актуальность и остроту подобного рода заявлений. Сравним, что пишут участники полилога:

– *моя бабця і дід були лемками. і ніколи вони не називали себе росіянами, русинами так, але не росіянами. і не мішайте свій російський мир до лемків.*

– *І якщо ви такий лемок, то може, напишете хоча б пару слів по-лемківськи. Хвіст собачий ви, а не лемок.*

– *Ты не знаешь кто такие руснаки молчи лучше.*

– *Знищений український нарід, лемки.*

– *Лемки, руснаки – не украинцы запоматай це вже.*

– *Ага! І галичани не українці, і подоляни, і бойки, і лемки, і т.д. всі су-пер самодостатня нація зі своєю унікальною мовою! Але всі українці, бо корені єдині і одні!*

Лемки, это русины – всегда считали себя частью русского мира, точно так считает и население Донбасса.

Пользователь, чья реплика инициировала острую дискуссию, завершил свое участие в ней следующим суждением: *Не россиянами, но русскими. Речь идет не о России, а о Русском Море восточных славян от Карпат до Камчатки...*

Очевидно, что все участники этого полилога позиционируют себя лемками или русинами, хотя и подозревают друг друга в имитации этнической принадлежности и подчеркивают свою этническую аутентичность. При этом русины – сторонники идеи Русского мира пишут по-русски, а русины – сторонники украинского происхождения этноса называют себя лемками и пишут по-украински, что подчеркивает и усиливает остроту

конфликта и поляризацию представлений не только этнических, но прежде всего общественно-политических.

Музыкальный клип становится мощным катализатором околонучных споров, и невинный, на первый взгляд, вопрос: *Лемки – это русины?* – вызывает острую лингвокультурологическую дискуссию, актуализирующую этноязыковые представления как собственно русинов, так и окружающих их этносов. Коротко представим наиболее содержательные реплики:

– *Лемковіна – українська етнічна територія, на якій здавна проживала етнографічна група українців – лемки.*

– *Західна Україна на картах деяких значиться як Червона Русь! В більший мірі – Галичина. Тому русинами тут називали усіх українців. В Тернополі є центральна вулиця Руська, але аж ні як не російська. Це черговий раз підтверджує те, що вкрали слово «Русь» у нас.*

– *Стара назва українців, що поступово відмерла у зв'язку із зникненням держави Русь. У середньовіччі назва русин була розповсюджена на більшій частині сучасної України. Най пізніше вона відмерла у західній частині України. Не стало Руси не стало і русинів. Хоча сучасна назва держави – Україна, була відома у дуже давні часи і походить від слов'янського слова КРАЇНА. Ця назва природньо була для тих хто жив у рідному КРАЇ. «Край мій рідний край» – слова відомої української пісні. Країна в перекладі на російську мову – СТРАНА.*

– *вы знаете, я сначала не собиралась отвечать вам, но все же потом передумала. Ну скажите, неужели вам не осточертело жить в искусственно выдуманной ненависти к русским? Я – украинка и, чтобы вы не думали, что вам это пишет какой-то «москаль», перейду на украинский. Для чего все перекручувати? Назву вкрали... Ніхто її не крав. Це була колись єдина країна і тому вся територія, що входила в неї, називалась Руссю. До якої країни могла відноситись Москва, якщо її заснував київський князь Юрій Долгорукий? КИЇВСЬКИЙ князь заснував. Куди мали входити Новгород та інші міста, в яких княжили сини і племінники київських князів? Це все була Русь.*

Далее следует обсуждение разных аспектов названия и самоназвания лемков и русинов на русском и украинском языках, иногда – с переключением в пределах одной реплики языковых графических регистров. Участники продолжительной дискуссии (более 40 реплик в обсуждении, продолжавшемся полгода) вспоминают ряд исторических персонажей в связи с разными сюжетами общей истории, называя Юрия Долгорукова, Петра I, Екатерину Великую; цитируют или вольно интерпретируют летописи и исторические труды Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, В.Г. Белинского, М.С. Грушевского, лингвистические изыскания М.В. Ломоносова, В.И. Даля, И.С. Улуханова и др.

Оппоненты не только апеллируют к авторитетам, но и порождают собственные версии исторических и культурных перипетий, вызвавших появление этнонима *русины*. Например, следующий участник дискуссии доказывает этимологию этого слова, близкую к наивной: *Русский і русин відрізняються так само як румун і римлянин, як француз і франк. Як сучасні французи і румуни перейняли назву у своїх завойовників так і руськіє, що були під владою русинів, себе стали називати як руськіє але не русинами. Франки – германське плем'я завойовало Галлію і гали перейняли цю назву, змінивши на французи але не франки, таке ж сталося і з валлахами – сучасні румуни. Бувші франки стали дойчами, римляни стали італійцями ну а русини стали українцями*. Логика этого высказывания замысловата и сводится к тому, что русины как праславянский этнос завоевали некий народ, который затем назвался русским, а собственно русины после этого стали называться украинцами. Еще один заинтересованный участник полилога вместо реплики цитирует квазиэнциклопедическое описание происхождения русинов: *Мы живем в 3 тысячелетии и несмотря на грубую денационализацию и попытки в течении сотни лет полностью ассимилировать русинов, русины все же сохранились как своеобразный славянский этнос. ...Подкарпатская Русь – отцовская и материнская земля всех русинов мира. До 1946 года национальность русин существовала... Произошло народное возрождение и признание русинов во всех странах где они проживают кроме их материнской где их проживает наибольшее – Украине. Тем не менее историческая память русинского народа Подкарпатья живет по своим законам. Русины отличаются от украинцев способом хозяйствования, стилем жизни, большими отличиями в речи, обычаями и традициями. Язык русинов. Наш язык развивался рядом с языками соседних народов и от этого он стал еще богаче. Язык по выразительности не уступает французскому, английскому, немецкому, русскому, не говоря уже о языке намного беднее украинском...*

Очевидно, что участники этнолингвистического паранаучного спора, обвиняя друг друга в некомпетентности и мракобесии, яростно отстаивают свои позиции и используют данную дискуссию как повод заявить о собственных взглядах на историю русинов и высказаться о современных этнополитических конфликтах и разногласиях на территории Восточной Европы.

Этой же цели служат многочисленные комментарии к другим публикациям. Например, на платформе сервиса онлайн-дневников «Живой журнал» при обсуждении истории русинов находим многочисленные реплики, авторы которых утверждают равный статус русинов в ряду славянских народов: *И Украинцы, и Белорусы, и Русские, и Русины – единое целое, родные братья. / Русины, малорусы, белорусы, великорусы.*

Корень один – Рус. Танцы практически одни, язык тоже, с включением иностранных слов соседник племен-местный диалект. / Славяне – это русские, белорусы, сербы, русины, чехи, черногорцы. / Малоросы, Белорусы, Великороссы, Русины, Сербы, Болгары и другие белые Народы, которые себя считают Славянами это один Народ... В некоторых комментариях русские исключаются из списка славянских народов и называются финно-угорскими племенами, например: есть мокша, ися, мордва, чудь, ямь и тд – предки всех москвитов... есть словяне – из которых пошли все славянские народы – болгары и москвиты к ним не относятся! / історію русинів ми знаємо, і мокша, і мордва до неї не мають ніякого відношення.

Выводы. Таким образом, смоделированный нами актуальный коллективный ответ интернет-коммуникантов на вынесенный в заглавие статьи вопрос пользователя сервиса «ОТВЕТЫ@mail.ru»: «Кто такие русины и на какой из языков похож русинский язык?», с одной стороны, подтверждает выводы исследователей о незавершенности процесса этнического самоопределения русинов и сохраняющейся неопределенности самоотождествления в триаде *русский, украинский, русинский*, а с другой – свидетельствует об обусловленном политическими причинами росте конфликтности и конфликтогенности интернет-дискурса о русинах.

Этноним *русины* в разных контекстах отражает полярные этноидентификационные статусы языковой личности. Кроме традиционных позиций идентификации с русским, украинским или самостоятельным русинским этносом, наблюдается еще одна, подчеркнута русинофильская, когда пишущие считают себя истинными русскими, не тождественными современным русским, полагая свои язык и культуру более древними, исконными. Сложная и неоднозначная метаязыковая рефлексия в основном сфокусирована на проблеме «отстройки» от близкородственных языков и культур.

Тема этнической идентификации русинов обсуждается в контексте острой полемики русских и украинцев. Все участники виртуальных дебатов, заявляя о своих представлениях о происхождении этнонима *русин*, о степени самодостаточности этноса, формулируют и собственную общественно-политическую позицию по отношению к понятиям Русского мира и Незалежної України, трактуемым как полярные и противопоставленные.

Увеличение градуса конфликтности интернет-обсуждений русинской тематики приводит к смещению общего аксиологического фокуса дискурса от позитивного к негативному. При определении этнического статуса русинов вместо доминирующих ранее русино-, русо- и украинофильской мировоззренческих установок коммуниканты демонстрируют, в порядке убывания значимости, русинофильскую, русобобфскую и украинофобскую.

ЛИТЕРАТУРА

Грошева 2006 - *Грошева Г.В.* Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 1. С. 104-110.

Джозеф 2005 - *Джозеф Д.* Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4. С. 20-48.

Миронов 2013 - *Миронов Г.Ю.* Исторический аспект проблемы идентификации русинского этнокультурного сообщества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2013. 26 с.

Резанова, Шилияев 2015 - *Резанова З.И., Шилияев К.С.* Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Суляк 2005 - *Суляк С.Г.* Вступительное слово // Русин. 2005. № 1 (39). С. 5-6.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

Шевченко 2010 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. 414 с.

REFERENCES

Grosheva, G.V. (2006) Categories of ethnos and ethnicity in modern scientific discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (52). pp. 104-110.

Joseph, J. (2005) Jazyk i nacional'naja identichnost' [The Language and National Identity]. *Logos*. 1. pp. 20-48.

Mironov, G.Yu. (2013) *Istoricheskij aspekt problemy identifikacii rusinskogo etnokul'turnogo soobshhestva* [The historical aspect of the problem of identification of the Rusinian ethnic and cultural communities]. Abstract of History Cand. Diss. Rostov-on-Don.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Sulyak, S.G. (2005) Vstupitel'noe slovo [The opening speech]. *Rusin*. 1. pp. 5-6.

Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [The Rusins of Moldova: basic stages of ethnic history]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv.* [The Slavic Atlantis: Carpathian Rusins and Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Бабенко Иннеса Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Babenko Innesa – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Орлова Ольга Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Orlova Olga – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru